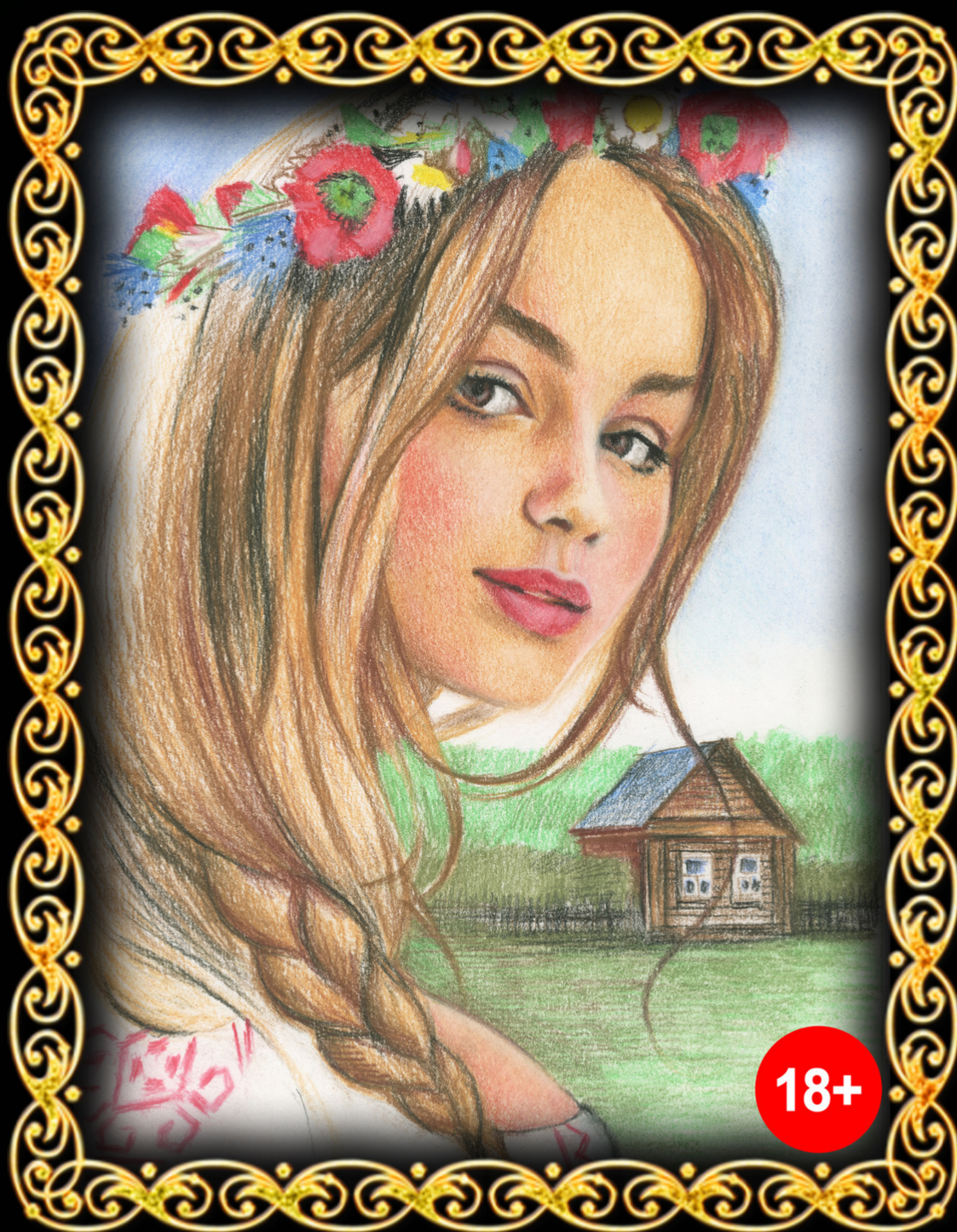

ЛАНА ЛАНИТОВА

МИХАЙЛОВСКАЯ ДЕВА

Русский эрос

Глаша и Владимир

Лана Ланитова

Михайловская дева

«Автор»

2018

Ланитова Л.

Михайловская дева / Л. Ланитова — «Автор», 2018 — (Глаша и Владимир)

«Михайловская дева» – это четвертый роман эротической серии о похождениях дворянина и аристократа Владимира Махнева. Начало серии можно прочесть в романах «Глаша», «Царство прелюбодеев» и «Блуждание во снах». Владимир Махнев – главный герой романа, сердцеед и развратник, волею судьбы попадает в ведомство демона прелюбодеяния. Он и не ожидал, что новая жизнь в странном потустороннем мире, мире призраков, окажется столь необычной, полной сюрпризов и новых эротических приключений. На этот раз демон Виктор отправляет нашего героя в короткую, но полную неожиданностей жизнь молодой девушки, по имени Мария. Похоть, страх и мистические тайны сопровождают нашего сластолюбца в этих приключениях. Не отстают от Владимира и его товарищи по несчастью. Книга изобилует откровенными эротическими и БДСМ сценами, содержит ненормативную лексику. Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

© Ланитова Л., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лана Ланитова

Михайловская дева

Предисловие

Дорогие мои читатели, перед вами открыта четвертая книга из серии приключений сердцееда и ловеласа, дворянина Владимира Махнева. Предыстория ее изложена в романах «Глаша», «Царство прелюбодеев» и «Блуждание во снах».

В этот раз мы решили не повторять заново довольно объемное предисловие, изложенное в предыдущих романах. Ограничимся лишь кратким пояснением. Если вам понравилась эта эротическая серия о приключениях Владимира Махнева, Глаши и других её героев, то вы наверняка уже прочитали эти три романа. А если нет, то все в ваших руках.

Добавим от себя лишь то, что в этой, четвертой книге, вас ждут не менее увлекательные приключения уже знакомых вам героев. Коварству обаятельного демона, по имени Виктор, нет предела. И он готовит новые испытания для своих учеников.

Серия этих книг написана в жанре легкого фэнтези, мистики, приключений. Но главным действующим лицом здесь все также остается вездесущий Эрот. И если вы любите этот «легкий и одновременно сложный жанр», тогда вперед! На этих страницах нет места ханжеству. А от себя мы пожелаем вам приятного чтения!

Глава 1

*«Предвкушение счастья красит девушку».
«Самая нужная вещь для девицы – уступать всем желаниям,
которые внушает ей природа».
Донасьен Альфонс Франсуа де Сад.*

Она проснулась от холода, от холода и странного движения, идущего откуда-то снизу. Обнаженной спины и ягодиц касались упругие и выпуклые волны. Кожа приминалась от прохладного и сильного скольжения – от лопаток к бедру и далее, плотно на живот, катилось нечто мускулистое и влажное. Схожее с каучуковым валиком. Она подняла голову и слабо шевельнула рукой. Пальцы ног уперлись во что-то живое и скользкое. «Господи, как холодно, – медленно подумала она. – Чем бы укрыться?» Она подвигала головой – невидимые волны оживились сильнее. Послышалось шипение. Справа и слева плотным кольцом высилась темная земляная стена. Она осторожно посмотрела вверх. Овал синеющего колодца обрамляла густая трава. Прямо над ней, высоко-высоко, висело ночное небо, покрытое яркими лохматыми звездами. Мертвенные лучи невидимого светила тонкими струями пробивались сквозь бурю бахрому травы.

«Где я? В могиле или на дне ямы?» – со страхом подумала она.

Попыталась сесть. В ответ на попытку незримое ложе еще сильнее заволновалось холодными волнами. Руки и живот опоясали плотные петли. Точно такие же петли шершавыми бугристыми веревками затянули щиколотки и с силой раздвинули ноги. Возле уха раздался мерзкий стрекочущий звук, похожий на звук трещотки. И тут до неё дошел весь ужас того положения, в котором она оказалась. Она лежала в яме, полной змей. Из рта вырвался слабый крик, но одна из рептилий шлепнулась ей на лицо и скользнула к раскрытым губам. Она не успела вдохнуть, как острый комок оказался в горле. Другая, толстая и скользкая змея, приподняв скуластую морду, взвилась возле раздвинутых ног. Секунда и она вползла в распахнутое лоно...

Дышать стало больно. Боль острым лезвием полоснула чрево. Она ощущала то, как медленно раздвигается ее женское естество. Шире и шире... Раздвигается от движения толстой, непрошеной гостьи. Страх железным обручем стянул голову. Несмотря на холод, она внезапно вспотела и затряслась.

Где-то наверху заухал филин. И какой-то неведомый зверь то ли каркнул, то ли прорычал на весь лес: «Ка-аа-аа-тька! Каа-аа-аа-тька!»

«Пропала Катька», – едва подумала она и потеряла сознание.

Когда очнулась, то поняла, что змеи пропали. А луна теперь освещала яму так ярко, что стали различимы все мелкие травинки и полевые цветы. Екатерина села. Вновь осмотрелась. Отчетливо запахло хвоей, рыхлой землей и ночными травами.

«Какое счастье, что змеи куда-то уползли. А если бы они меня ужалили? Где я? Я шла с Владимиром Ивановичем и другими мужчинами. Поле, танцовщица. А! Потом налетел какой-то вихрь. А далее? Я ничего не помню. Сразу эта яма. За что?» – Екатерина Дмитриевна Худова, мещанка из Тамбовской губернии, обняла собственные плечи и затряслась от плача.

Она плакала горько и безутешно. Ей было жаль саму себя и страшно от этого места, где она очутилась.

«А как же Мег? Куда она делась? Почему она бросила меня? За что?»

Надо было как-то выбираться из этой холодной ямы.

«Почему я голая? Хоть бы рубашку оставили... И где, интересно, я? Может, я на кладбище?»

Все эти мысли пронеслись, словно вихрь, вызвав приступы нового страха. Тело покрылось мурашками. Она утирала слезы прямо грязными пальцами. На зубах появился привкус земли и травы. Кое-как Катерина встала во весь рост. Оказалось, что яма не так глубока, как виделось это снизу. Край ямы заканчивался макушкой женщины. Она вытянула шею и подпрыгнула. Судя по местности, вокруг был обычный сосновый лес.

«Хорошо, хоть не кладбище, – подумала она. – Я так боюсь покойников».

С минуту она постояла, раздумывая.

«Господи, да ведь тоже умерла. Я сама – покойник? Или нет? Глупости какие. Я живая. Я всегда живая. Но почему тогда я боюсь покойников? Дура!»

Ей показалось, что снаружи чей-то противный голос тоже крикнул: «Дура! Дура! Катька дура!»

Рука пошарила по отвесной стене. С узкой стороны земля оказалась довольно рыхлой. Екатерина ступила туда, удержавшись за корягу. Переставила другую ногу, подтянулась и вылезла наверх.

«Какое счастье! Я на свободе».

Она стояла на небольшой поляне. Вокруг простирался темный лес. Где-то вдалеке чарующе пела неведомая ночная птица. Огромная луна холодным светом освещала каждый куст, дерево и травинку. Царство леса казалось таким тихим, величественным и прекрасным, что Екатерина невольно ахнула. Она присела на корточки. Под ногами расстился ковер из продолговатых сочных листьев. Капли обильной росы покрывали каждый лист. Она пошевелила рукой. По круглому крапчатому валуну пробежала юркая желтоватая ящерка. Под листьями, в томной колыбели, спали головки лесных ландышей. Целое море ландышей. Они росли не только на поляне, зеленым потоком они переходили под матерые сосны и ели. Она тихонечко сорвала один цветок и поднесла к носу. О, этот тонкий аромат она знала с самого детства. Боже, как хорошо! Может, я уже на свободе? В божьем мире?

Ей захотелось омыться в ночной росе, тем паче, что ее руки и ноги были перепачканы землей. Она с наслаждением упала в зеленый ковер ландышей. Её никто не учил этому. Она интуитивно принялась кататься в холодном море изумрудной росы. Спустя короткое время руки и ноги белели лучше, чем после бани, а мокрые волосы длинными прядями прилипли к узкой спине и плечам. Она погладила ноги, бедра, руки, потрогала маленькую, торчащую от холода грудь, отряхнулась, подобно дикой кошке и ощутила прилив сил. Несмотря на холод, тело сделалось горячим. Жар шел изнутри. Теперь она не просто шла. Ей казалось, она парит, не касаясь босыми ногами земли.

Позади хрустнули ветки. Екатерина оглянулась. В лунном свете пред ней предстал ночной красавец олень. Он был очень высоким и мощным. Узкую морду с угольками темных глаз венчали ветвистые рога. Екатерина немного оробела.

«Интересно, олени нападают на людей?»

Но непрощенный гость почти не смотрел в ее сторону. Постояв некоторое время на поляне, он растворился в кустах.

«И куда теперь? – рассеянно думала она. – Надо попробовать разыскать дорогу. И по ней я непременно выйду к людям. Господи, отчего я не согласилась идти к Махневу? Сейчас бы не плутала тут одна. И главное – где же Мег?»

– Мег! – тихо позвала Екатерина.

Но в ответ лишь слабое эхо раздалось в лесу и потерялось в дальнем конце поляны.

– Мег! – чуть громче крикнула она.

Вместе с эхом с верхушки высокой и толстой сосны сорвалась стая черных ворон. Екатерина вздрогнула и шарахнулась в сторону. На голове снова зашевелились волосы. Ей показалось, что в дальнем конце лунной поляны сгустились ночные тени, и появился силуэт женщины. Тонкий стан, знакомый абрис фигуры, и даже шляпа на голове, а под ней струи чер-

нильных волос. Екатерина бросилась за ним. Силуэт стал быстро бежать меж деревьев, ускользать, и в конце поляны рассыпался в прах.

«Это не Мег, – всхлипнула Екатерина. – Это ночные призраки морочат меня. Или туман клубится, или мне мерещится».

– Мег, почему ты бросила меня? Куда мне идти?

Удивительно, но в конце пути, ровно на том месте, где растаял знакомый призрак, она очутилась перед лесной просекой. Лес предел и отступил. Екатерина вышла на дорогу. Теперь она не парила над травой. Голые ступни кололо от сосновых иголок и шишек. И тело высохло от росы, лишь влажные волосы охладили грудь и спину.

– А в какую сторону я должна идти? Направо или налево? – неизвестно к кому обратилась она.

Луна теперь освещала длинную лесную дорогу. Екатерина застыла в нерешительности. Слабое движение ветра коснулось руки. Ей показалось, будто нечто невидимое тихо промелькнуло мимо и унеслось по дороге, подняв легкий вихрь из песчаной пыли и иголок. Она повернула голову вслед этому движению. В конце дороги вновь проступили тени. Они колыхнулись и сбежались к середине. Тени снова образовали собой знакомый темный силуэт. И силуэт этот качался вдалеке и манил.

«Я пойду за ним», – решила Екатерина.

Она шла по дороге спокойным шагом, а черный силуэт бежал далеко впереди. Вскоре дорога свернула направо. Показалась каменная дорожка, выложенная мелкими булыжниками. Вокруг дорожки густо рос папоротник, целые заросли папоротника. Сосновый лес сменился дубовой рощей.

Темный силуэт рассыпался в прах. А Екатерина Дмитриевна ступила на холодные и мокрые от росы камни. Босые ноги пару раз оскользнулись. Впереди мелькнул рваный свет живого огня. Ей чудилось, что она уже была когда-то в этом месте. Женщина прибавила шаг.

Дорожка стала шире. Перед лицом вырос высокий каменный забор. Свет шел от двух факелов, закрепленных по обеим сторонам закопченной от времени, дубовой двери, перетянутой железными щитками. В середине двери располагалось маленькое решетчатое оконце.

«Да, я помню это место. Я уже бывала здесь. Во сне. Или то была явь? Там, в замке, у меня была встреча с княжной Грановской. Господи, это же была Мег. Грановская и Мег – это одна женщина. Моя любимая. Как я об этом забыла! Эти вихри, змеи, полеты – все перепутали в голове».

– Мег! – крикнула Екатерина в слуховое окно. – Мег! Я тут!

Ответом была полная тишина. Екатерина толкнула толстую дверь. Как ни странно, она легко отворилась. За дверью простирался небольшой каменный двор, похожий на мешок, а далее шла широкая, закопченная от времени, дверь средневекового замка. Серые стены замка почти до самых окошек-бойниц были покрыты зеленым мхом. Екатерина посмотрела вверх – голова закружилась от немыслимой высоты. Крыши замка она так и не увидела – она терялась в темных облаках. Эти же облака скрыли и круг яркой луны. Теперь свет шел лишь от нескольких факелов.

Екатерина подошла к двери.

«В прошлый раз здесь был швейцар, которого звали Пьером. И еще там был Самсон...»

При воспоминаниях о Самсоне, Екатерина покраснела.

«Господи, ну почему же Мег меня не встречает?»

Она постучалась в массивную дверь. И эта дверь тоже оказалась не заперта.

Все повторялось как тогда, в далеком и мутном сне. Но почему снова этот замок? Может, я опять сплю? Но где? Она попыталась ущипнуть себя за руку. Стало больно. Вдалеке слышались чьи-то тихие голоса. Ровная и неспешная беседа.

Она вошла в гостевую комнату. Массивное медное паникадило в два яруса с полусотней старинных сальных свечей освещало весь зал. Но потолок был так высок, что свет не доходил до широких и мрачных дубовых балок. Казалось, что мгла, разметавшаяся по углам, дышит и курится струйками дыма.

Серые каменные стены, отсутствие портьер и вообще каких-либо тряпок в декоре придавали обстановке несколько суровый вид. Посередине располагался дубовый стол для гостей. Вокруг него горбатыми спинами высились грубо отесанные стулья. Широкие сидения покрывали шкуры диких животных. По полу огромным бурым пятном растекалась шкура медведя. Она вспомнила все: и эту мертвую морду, с открытой клыкастой пастью, и когтистые лапы. Это была шкура исполинского зверя. Коричневый густой ворс озаряло пламя огромного камина. Скорее это был не камин, а просто открытый очаг в два человеческих роста, обрамленный темно-серыми гранитовыми валунами. На противоположной стене располагались и другие охотничьи трофеи: голова кабана, похожего на калидонского вепря, чучела рысей, леопардов и даже саблезубого тигра. Она припоминала детали. Все это она уже видела...

Но главным было другое: во главе стола сидела несравненная Мег в темном облегающем платье из черного кружева. Гладкие волосы были зачесаны и уложены сзади. Мочки ушей оттягивали массивные серьги из темно багровых рубинов. Таким же темным казалось вино в ее хрустальном бокале, которое она неспешно пила. Взгляд бархатистых глаз не был направлен на вошедшую. Она смотрела на своего собеседника. Им был швейцар Пьер. Он сидел по правую руку от ведьмы. Слева от нее восседал Самсон. Оба мужчины были одеты в роскошные фраки, сшитые по моде середины 19 века. Мощные шеи подпирали белые воротнички и полосатые шелковые фуляры. Вся троица выглядела настолько респектабельно, что Екатерина опешила и невольно попятилась. А когда она вспомнила, что стоит перед ними обнаженной, она и вовсе засмутилась и хотела броситься назад. Но дверь позади нее захлопнулась сама собой, а тяжелый засов с грохотом упал в чугунный паз.

Екатерина посмотрела на свои ободранные травой и ветками руки и ноги. В один миг она показалась себе жалкой и нищей замарашкой. Она зажмурилась и вжалась в деревянную дверь.

– Сейчас в тебе заново проснулась Эмма, – услышала она тихий, но властный голос, идущий из глубины зала. – Как я люблю тебя такую – робкую, страдающую, стыдливую... Эмма. Моя Эмма. *Meine liebe...*

– Мег, пожалуйста, я раздета, – прошептала Екатерина.

– Да? И что? Кого ты застеснялась? Самсона? Так он отлично помнит твое прекрасное тело. Пьера? Он тоже видел тебя в неглиже. А сегодня он допущен будет до большего...

– Мег! Вы сердитесь на меня? За что?

– За что?

– А ты так и не поняла?

– Нет.

– За мысли об измене, *meine liebe*. Только за мысли. Но накажу я тебя за них так, ровно бы эта измена уже произошла.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Я все объясню. Позже. Пьер дай нашей неженке какой-нибудь плащ. Пусть пока укроется.

Пьер подошел к Екатерине и подал ей черный шелковый плащ, подбитый красным бархатом. Екатерина поблагодарила его и накинула ткань себе на плечи.

– Подойди к столу. Мы нальем тебе хорошего вина. Еды ты пока не получишь. Ты знаешь, худоба и все что с ней связано, еще один, приятный для меня фетиш. Поэтому – никакой еды в ближайшее время. Только вино. Тебе надо выпить. Потому, что потом тебе предстоит нелегкое испытание.

От этих слов госпожи Екатерине стало жарко.

– Садись.

Пьер отодвинул тяжелый стул. Екатерина села. Она робела поднять глаза на Мег. Она ужасно боялась ее, и в тоже время, где-то внутри души, поднималась нешуточная волна возбуждения, связанная с обещанным наказанием.

Гулко булькнуло красное, словно кровь вино, потянуло ароматом старой лозы, приправленным привкусом серебра и меди. Во рту стало чуть кисло, а после солоно. От первого глотка по телу разлилось приятное тепло, закружилась голова. Екатерина впервые решительно посмотрела на Мег. Ей показалось, что сквозь знакомые черты проступил облик княжны Грановской. А потом скулы заострились, и на мгновение она увидела на месте Мег облик волевого, сильного темноволосого мужчины. Воздух вокруг госпожи сгущался, меняя до неузнаваемости ее образ. В какой-то момент над головой ведьмы проступили темные струи. Екатерина пригляделась. Вместо волос, густым и жирным облаком, извивались ленты живых змей.

Екатерина зажмурилась и сделала еще один, большой глоток вина. От этого глотка ей стали слышны странные звуки. Она услышала, как под мощной грудной клеткой бьется сердце красавца Самсона. Она уловила его мужской аромат. Совсем по-другому, но очень приятно пахло от Пьера. Оба мужчины молча пили вино и поглядывали на Екатерину. Теперь ей стало слышно биение сердца и Пьера. Собственное сердце, казалось, стучало возле самого горла и отдавало в задурманенную голову.

– Тебе понравился мой лес? – вывел из оцепенения голос Мег.

– Да, там очень красиво. И эти ночные цветы... Я люблю ландыши.

– Ты пахнешь ими с головы до ног. А еще ты пахнешь страхом... *Meine liebe*, каждый твой крик в лесу отзывался в моем сердце болью. Болью и тоскою. Но я хотела, чтобы ты кричала и плакала еще громче. Сейчас мы устроим тебе это...

Екатерина поежилась и сделала третий глоток. После этого огонь в камине вспыхнул так, словно туда плеснули керосина, а мертвая шкура медведя ожила и, приподняв клыкастую морду, заревела что есть мочи. Екатерина вскрикнула и чуть не лишилась чувств.

– Довольно. Отведите ее наверх. Пусть ее омоют в ванной и приготовят для экзекуции.

Пьер встал из-за стола, легко подхватил Екатерину на руки и понес ее на второй этаж по каменной лестнице. Перед пьяными глазами Екатерины мелькали закопченные балки старинных стен и потолка. Она все также слышала стук мужского сердца. В одном из узких коридоров Пьер толкнул деревянную дверь. В ней оказалась средневековая мыльня. Большая дубовая бочка стояла посередине небольшой комнаты без окон. Свет шел от сальных свечей. Три, знакомые уже Екатерине женщины, в черных монашеских нарядах, предложили ей помыться. Они долго терли ее разными мочалами, затем, рядом с бочкой, водрузили каменную скамью, на которую разложили разомлевшую от усталости и вина Екатерину. Одна из служанок принесла чугунок, полный каких трав и пахучих снадобий. Эти снадобья были втерты в исцарапанные ноги и руки тамбовской красавицы. Другим, серым порошком, разведенным в молоке, они снова удалили все волоски с ее худенького тела. Затем ее окатили чистой водой и осушили волосы. К ней поднесли старинное овальное зеркало, в тяжелой бронзовой раме. Зеркало светилось золотой амальгамой. И не смотря на множественные трещинки, Екатерина увидела собственное отражение таким прекрасным и юным, что задохнулась от радости.

«Сколько мне сейчас? Похоже, лет шестнадцать... И, похоже, я выгляжу именно так, как выглядела Эмма. Я и была когда-то ей. Как все здесь путается. Времена, облики, голоса. Только души те же».

Служанки накинули на нее тоненькую рубашку и отправили по коридору, указав ту комнату, в которую ей надо было проследовать.

Она зашла в комнату, и вспомнила, что была тогда в ней. Там находилась широкая кровать с высокой периной и бархатным балдахином. Стены этой комнаты были отделаны иначе, чем зал внизу. Деревянные, потемневшие от времени панели, высились с четырех сто-

рон. Искусный резчик ни мало потрудился для их росписи. Здесь были вырезаны непонятные разуму тайные знаки, рисунки и мандалы. Они походили и на знаки древней Кабалы и на египетские иероглифы.

Екатерина подошла к кровати и прилегла на край. Веки казались такими тяжелыми, что она не выдержала и закрыла глаза. Сон охватил ее прекрасную голову. Она не помнила, сколько спала. И не осознавала, сколько вообще прошло времени.

Проснувшись она от странного металлического скрежета и постукивания. Екатерина резко открыла глаза и подняла голову. Одна из деревянных стен отчего-то пропала. Растаяла, будто ее и не было. Катерина отчетливо помнила то, что когда она входила в спальню, она была невелика по размеру. От кровати до деревянной стены было лишь расстояние в несколько шагов. И вот, на том месте, где была стена, теперь стоял тяжелый сумрак, от которого тянуло подвальной сыростью. И именно оттуда шли эти странные металлические звуки.

Екатерина села на кровати, поджав босые ноги, и невольно попятилась к изголовью.

Темноту прорезала вспышка живого огня – это зажегся огромный факел, рядом с ним другой, третий. Екатерина увидела то, что спальня, в которой она заснула, трансформировалась в странное и длинное помещение, более похожее на средневековый подвал или застенки. Кирпичные холодные стены потели сыростью. Окон здесь не было. Пол тоже был выстлан камнем. Но самым главным было иное. Вся комната была заставлена пыточными орудиями. Часть из них были открыты, часть накрыты серыми холщовыми тряпками. Посередине стоял деревянный Андреевский крест¹, сделанный в виде буквы Х, с множеством кожаных креплений. Недалеко от креста располагались немыслимые для воображения Екатерины козлы, распорки для рук и ног, высокие табуреты, венчающиеся деревянными фаллосами, разной высоты и толщины. Чуть в стороне от Андреевского креста стояло странное кресло, похожее на кресло дантиста, с металлическими желобами для ног. Екатерина Дмитриевна догадалась, для чего предназначено сие кресло. Возле кресла крепился подвижный металлический стол. И на нем лежали... В свете факела Екатерина не смогла подробно рассмотреть все разнообразие диковинного инструмента. Он находился в блестящих кюветах. Но вертикально, прямо на столе, высились иные предметы. Это были дилдо. Разной формы, толщины и длины. Часть из них имела загнутые головки и изумерскую кривизну.

Екатерина невольно охнула.

«Может, сбежать?» – лихорадочно думала она.

– Даже не думай. Лучше смирись. Сейчас я проведу с тобой свою обычную сессию. Чуть более жесткую, чем всегда. Это будет твоим наказанием, – прошептала на ухо Мег.

Тихо, словно кошка, она под села на кровать, возле взволнованной Екатерины.

– За что? За что вы меня наказываете? – горячечно возразила тамбовская красавица.

– За мысли. Пока лишь за одни мысли, – ответила ей госпожа.

– Какие мысли? – захныкала Екатерина. – Я ни о чем таком и не думала.

– Ты уверена?

– Да!

– А кто собирался пойти в дом к местному красавцу Махневу? Ты уже почти согласилась на его уговоры, если бы не я...

– Да я же просто так. Чаю попить.

– Угу, этот, всем известный Дон Жуан местного разлива, только и мечтал о том, как напоить тебя чаем. Ты дура или претворяешься?

– Я дура... Но простите меня, госпожа!

¹ Андреевский крест представляет собой довольно габаритную установку для фиксации человека во время БДСМ-сессий. Крест получил свое название «Андреевский» после того, как на таком кресте распяли апостола Андрея. В дальнейшем его использовали как орудие пыток, что и предопределило его использование в качестве атрибута для БДСМ-игр. Андреевский крест представляет собой приспособление из двух досок около двух метров в длину, которые соединены накрест.

– Ты не дура, ты просто блудница. И я бы могла закрыть на многое глаза, если бы не совершенно гадкая черта моего характера. Я – большая собственница. И ревнивица к тому же. И если я выбрала себе вещь или человека, то это – только мое. И горе тому, кто на это покусится. Сейчас мой характер стал намного мягче. А пару веков назад я была настолько горяча, что могла запросто оторвать голову у любой из своих игрушек.

Мег усмехнулась и встала во весь рост.

– Ты читала Вольтера?

– Не помню.

– Пора мне заняться твоим образованием. У меня есть роскошная библиотека. Как только ты пройдешь весь обязательный курс у Виктора, я заставлю тебя учиться. Ты только представь, какой хорошей ученицей ты станешь.

– Я неважно училась в школе... – со стыдом призналась Екатерина. – А в том сне, про институт, где вы были Раечкой Грановской, я училась намного лучше. Я помню, как... – Екатерина открыла было рот, чтобы продолжить разговор, но Мег с усмешкой перебила ее.

– Ты сейчас так мило округляешь ротик, забалтывая меня. Ты хочешь отвлечь меня беседой, чтобы я забыла о твоей вине? Не трудись. Тебе не поможет твое наивное красноречие. Твоя риторика гроша ломанного не стоит. Отчего я и сказала, что после уроков Виктора, я заберу тебя к себе на обучение. Ты будешь много читать и много учить. Я просто-таки замираю от вожделения... Ибо каждый твой урок я буду проверять лично. И за малейшую забывчивость или нерадение ты будешь всегда наказана. Как? Поверь, по части наказаний я виртуоз, – тонкие губы Мег расплзлись в улыбке. – Ах, как я буду мучить тебя... Сегодня я покажу тебе это... Лишь начало. Да, не дрожи... Ах, да... К чему я вспомнила старика Вольтера? Он как раз говорил о ревности вот что: «Бурная ревность совершает больше преступлений, чем корысть и честолюбие». Представляешь? А еще он говорил, что «Мрачная ревность неверною поступью следует за руководящим ею подозрением; перед нею, с кинжалом в руке, идут ненависть и гнев, разливая свой яд...» Яд. Ты понимаешь? Скажи спасибо, что мои змеи, там, в лесу, не впрыснули в тебя яду. В каждой из них текла моя кровь и дрожала моя ревность. Но, увы, она не притупилась доселе. Сейчас я буду долго мучить тебя... Не до крови. Я не терплю кровь в плотских утесах.

– А может, не надо? Я все осознала, – залепетала Катерина.

Крупные, словно дождевые капли, слезы посыпались градом из ее глаз.

– Иди сюда, глупая. Я потрогаю тебя, – Мег протянула руку и обняла Екатерину.

Тонкие пальцы нырнули под рубашку. Они коснулись гладкого, словно речная галька, нежного, выпуклого лобка. Пробежали по животу и едва притронулись к соскам. Потом снова вернулись к лобку.

– Смотри... – Мег показала блестящую влагу на двух длинных пальцах, увенчанных красными, острыми ноготками. – Ты боишься, но хочешь пыток...

– Нет, нет... нет, – Екатерина некрасиво скривила губы и заплакала еще громче. – Пожалуйста... Вы же помните, как сами спасли меня от Георга и Марселя. Я тогда не выдержала пыток и вылетела прочь из тела.

– Сейчас я не дам тебе вылететь. Я знаю на макушке место, куда стремится вылететь дух. Это место есть на голове или на груди. Если я увижу такую попытку, я заткну это отверстие ладонью. Ты не улетишь... Георг и Марсель – грязные животные. Я же дам тебе познать муки изысканные, тонкие и острые.

– Пожалуйста... Не надо.

– Пока ты спала, я приготовила для себя маленький сюрприз, – невозмутимо продолжала Мег. – С помощью небольшого заговора, на время, я сделала тебя той, моей кельнской возлюбленной. Внешне.

– Как? – поразилась Екатерина Дмитриевна.

От удивления она даже перестала плакать.

– Я сейчас все покажу. Ты себя вспомнишь. Ту...

Мег принесла знакомое зеркало в мощной бронзовой оправе, зеркало с золотой амальгамой. Екатерина со страхом заглянула в его золотистый, в мелких трещинках овал. На нее испуганными огромными глазами глядела юная и хорошенькая Эмма. Карие глаза, словно две спелые вишни, в обрамлении пушистых ресниц, взирали робко, по-детски недоверчиво. Черные пряди упали на белый лоб. И она вспомнила себя. Она уже знала это милое лицо, тонкие руки, глаза. Она помнила это тело. Нынешняя Екатерина была очень похожа на Эмму. Но все-таки они сильно разнились чертами лица. В чертах мещанки Худовой было много тонкости и аристократизма. Эта же девушка, почти девочка, имела более мягкие контуры губ, носа, овалы нежных щек. И глаза. Эти детские глаза. Глаза испуганного олененка.

– Ты вспомнила себя?

– Да...

– Вот такой я тебя и полюбила. Открою тайну: ранее я редко интересовалась своим прошлым. Далеким прошлым. Но ради тебя я подняла из небытия большую часть своих жизней. И оказалось, что та встреча, на Рейне, тоже была не первой. Эмма, у нас еще были жизни. В прошлый раз я начала об этом рассказывать. Но не успела закончить. Я и сейчас не стану. Я сделаю это чуть позже... А сейчас надень это.

Мег достала из – под подушки какой-то темно-синий комоч. По виду это было крашеное кобальтом, полотно грубой шерсти.

– Надевай. Это твои синие чулки.

– Зачем? – всхлипывая, спросила Екатерина-Эмма.

– А затем, что эти синие чулки, на фоне твоей белой кожи, снились мне ни один век. Надевай живо. Во время наказания ты будешь находиться в них.

Екатерина развернула два жестких комочка и встряхнула их. Затем, морщась, медленно натянула их на худенькие длинные ноги. Они доходили ей почти до самого окончания бедер, едва не упираясь в обнаженный лобок.

– Возьми подвязки и закрепи крепче. Они не должны спадать.

– Ой, они ужасно колючие! – вскрикнула девушка.

– Ах, какие мы стали нежные всего за несколько веков. Да, это не шелк, и не фильдекос². Это – грубая овечья шерсть. В них тепло в зимнюю стужу, в Кёльне. Не понимаю, какого черта ты именно тогда простыла?

– Я голодная была. Отец Эверт сказал, ничего не есть... – будто припоминая, шептала Екатерина-Эмма. – Ах, я заболела и умерла! – вскрикнула она. – Да, я все помню. И потом я полетела, – радостно отозвалась девушка.

– А вот об этом я не хочу слушать. Я примерно знаю твой маршрут.

– А тетя... Тетя моя не горевала совсем. Она даже обрадовалась. Я помню. Я прилетала к ней и видела, как она жгла мои вещи. Она боялась заразы. В Кёльне тогда многие умирали. А она... Она тут же вышла замуж. Я, похоже, мешала ей... Можно, я сниму эти чулки? Они очень колются...

– Нет! – резкий окрик Мег отрезвил Екатерину-Эмму. – Не смей, снимать до конца сессии.

Она оттолкнула свою возлюбленную и встала во весь рост.

– Пьер, Самсон, вы готовы?

– Да, госпожа! – послышался дружный ответ двух помощников.

– Ведите ее в экзекуторский зал.

² Фильдекос – (от франц. fil d'Ecosse шотландская нить) туго скрученная хлопчатобумажная нить из лучших сортов хлопчатника, имеющая шелковистый блеск; трикотажное полотно из этой нити для изготовления чулок, перчаток.

К нашей тамбовской красавице, которая в этот момент путалась в обрывках собственных судеб – между немецкой девушкой Эммой и русской мещанкой Екатериной, подошли двое мужчин. Они были по пояс обнажены. У обоих поигрывали крепкие мускулы, ниже талии на них красовалось тонкое серое трико, делающее выпуклыми гениталии. Екатерина-Эмма скосила глаза на внушительное «хозяйство» одного из них. И невольно поежилась. Вместе с этим она ощутила знакомый жар внизу собственного живота.

– Сорвите с нее рубаху! – приказала Мег.

Самсон подошел к жертве и одним резким движением разорвал тоненькую сорочку на две части. В свете ярких факелов Екатерина-Эмма осталась стоять обнаженной, с зажмуренными от страха глазами. Маленькие груди, увенчанные крошечными розовыми сосками, дрогнули и поднялись кверху. Екатерина покраснела, увидев зоркие и пытливые взгляды мужчин. Руки инстинктивно прикрыли груди и лобок.

– Убери руки! – властно приказала ведьма.

Не открывая глаз, Екатерина-Эмма сжала пальцы в кулачки и опустила их вниз.

– Да... Как давно я мечтала об этом, – хрипло прошептала Мег. – Этот плоский и мягкий живот, выпуклый лобок. Вот только лобок тогда у тебя был черным. Но ради успешности пыток, ради их наглядности, я снова приказала удалить тебе все волосы. Сейчас мне это удобно. Так будет лучше видно все то, что будет происходить с твоей маленькой и трепетной вагиной. Я смогу видеть, как раскрывается твоя розовая раковина – шире и шире. Сегодня я желаю лицеизреть все ее возможности... Каков ее предел. Привяжите ее к кресту!

– Подождите, госпожа! Подождите! Если я стала на время Эммой, значит... Значит я еще девственница?!

– Я хотела бы, чтобы было так. Я и замышляла все сделать именно так. Но сие действие я оставляю на будущие сессии. Их будет довольно. Лишение Эммы девственности мы будем смаковать отдельно. От Эммы у тебя сейчас лишь внешность. Внутри ты – похотливая сучка Екатерина, из Тамбова. Приступайте, господа. Привяжите ее покрепче. И для начала, пройдитесь мягким флоггером.

Двое помощников в одно мгновение подхватили Екатерину-Эмму на руки, и словно пушинку, отнесли ее к деревянному кресту. Она и охнуть не успела, как тонкие руки взлетели кверху. Там их закрепили двумя кожаными ремешками. Ремни потолще легли на щиколотки широко расставленных ног. Колени также притянулись к грубо отесанной поверхности креста. Полоски кожи плотно вошли и в верхнюю часть бедер – колючая шерсть легла слишком близко к нежной коже лобка. Худова напряглась и попыталась сдвинуть ягодицы в желании отринуть от себя эту противную ткань. Но тщетно. Она была привязана к кресту и животом. Выпуклые алебастровые ягодицы вызывающе торчали. Она услышала, как легкие каблук Мег простукали по каменному полу. Ведьма взяла в руки изящный длинный стек, на конце которого был закреплен кусочек кожи. Этим стеком она стала водить по узкой спине девушки, заходя на холмики маленьких ягодиц и слегка раздвигая их.

О, эта тонкая палочка проскользнула в щель и двинулась к предательски ожившему клитору. Екатерина-Эмма чуть не застонала от наслаждения.

Затем на тело обрушились удары мягкого флоггера. Она вскрикнула.

– Какая неженка! Ты уже кричишь от первых ударов? Ты знаешь, что говорил один из моих любимых писателей, Донасьен Альфонс Франсуа де Сад? Он говорил, что «Единственный способ заставить женщин любить себя – это мучить их. Более надежного способа я не знаю».

Но Екатерина недолго кричала. На смену легким и обжигающим, первым ударам, пришло состояние странной органичности всего происходящего. Екатерина-Эмма впала в какой-то зыбкий полутранс. Она словно бы плыла по волнам закипающего наслаждения. После этого ее отвязали и перевернули животом к зрителям.

– О, я так и знала. Если бы ты сейчас могла нагнуть голову, то увидела бы, что произошло с твоими чулками. Они мокры. Это твой сок струиться по ним.

Екатерина и сама это чувствовала. Колючие нити, намкнув, приклеились к телу и создавали дополнительный зуд. Больше всего ей хотелось сорвать с себя эти ненавистные чулки. Она уже почти не открывала глаз. Она поняла, что веки припухли от слез, а вся пыточная комната дрожала в такт мерным ударам. Пламя огня распухало ярким цветком с парящими искрами в искаженных слезами зрачках. Голос ведьмы то был рядом, то пропадал.

Затем она почувствовала, как плетку сменили на другую. Эта была чуть сильнее. Девушка снова застонала.

– Я хочу надеть тебе кляп. Я хочу видеть твои круглые от страха глаза, залитые слезами, и слышать лишь мычание.

После этих слов Пьер принес откуда-то темный кожаный кляп, внутри которого был вшит деревянный шар. Его довольно ловко установили у Екатерины во рту. Теперь вместе со слезами на грудь текли еще и слюни.

Удары продолжились. Но вместо боли она вдруг почувствовала немыслимое желание. Как и предсказала Мег, ее круглое юное личико изменилось до неузнаваемости. Глаза закатились, ноздри расширились, дыхание сделалось прерывистым.

Она снова услышала, как простучали каблуки. Ведьма поднесла полотенце и отёрла от влаги лицо, груди и живот. Один из тонких пальцев нырнул в ужасающе мокрую щель припухших нижних губ.

– Она готова. Сейчас мы посадим ее на первого козла.

Екатерина почувствовала, как ее отвязали от Андреевского креста и вытащили кляп. Девушка рухнула прямо на каменный пол. Все тело было покрыто малиновыми, чуть вспухшими полосами.

– Ты меняешь мои планы. Мне придется многое отменить в программе. С непривычки ты оказалась слабее, чем я ожидала. Я не смогу испытать на тебе и части задуманного. Почти весь арсенал останется не у дел. А как же дилдо, катетеры, шарики, расширители? Ну, ладно. Придется ускорить нашу программу. И заодно, упростить ее. Всему свое время. У нас все впереди. Есть ли у тебя какие-то просьбы в перерыве?

– Госпожа, я прошу вас, снимите с меня эти противные чулки. У меня от них страшный зуд... – взмолилась Худова.

– Как же я их сниму, когда они – часть моего сценария? И потом ты же знаешь мое природное стремление к эстетике. Синее на белом – тонкий изыск. Я даже картину хочу написать в этих красках. Скажем, белая река и синее небо, или синее море и белый парус... Или... Ах, это потом. Ты знаешь, я весьма недурно пишу маслом и акварелью. Лучше я прямо так и нарисую – твой влажный пухлый лобок с чуть приоткрытой розовой щелью и эти синие чулки. А может, я прикрою его волосами. Черными...

– Ну, пожалуйста! Этот зуд взрывает мне голову. Я готова расчесать все до крови.

– Бедняжка! Хорошо, раз ты просишь, так и быть – я разрешаю тебе их снять. На время. Екатерина-Эмма, еле шевеля руками, стянула с себя ненавистные полоски вязаной ткани. «Господи, как я это носила тогда? Может, было принято надевать что-то под низ?»

Она не отказала себе в удовольствии почесаться. Но сделала это так, чтобы не привлекать внимания Мег. Последняя стояла в легкой задумчивости и раскуривала длинную трубку. Струйка бурого дыма скользнула через тонкий изрез трепетных ноздрей. Бархатные и темные, словно кипящая смола, глаза Мег казались такими прекрасными и томными. И вместе с тем их взгляд безумно пугал.

– Ты знаешь, твои крики, слезы и слюни настолько растрогали мое сердце, что я стою и думаю о том, как ловчее и продуктивнее продолжить твой урок. Я понимаю, нежность Эммы, но с каких это пор проститутка Худова стала столь ранима? Что с тобой?

Екатерина – Эмма покраснела и отвела взгляд. Подбородок задрожал от обиды.

– Ах-ах, я что-то сказала не так? Помилуй, тебе не по нраву то, что я назвала тебя проституткой?

– Я не была проституткой...

– А кем же ты была? – ведьма запрокинула голову и рассмеялась серебристым и задорным смехом. – Как говорил мой приятель, Джакомо Казанова: «В наше счастливое время проститутки совсем не нужны, так как порядочные женщины охотно идут навстречу всем вашим желаниям». Так? Помилуй, спать с сотнями мужчин, и за деньги, что это, если не проституция?

– Я же не гуляла по улице в поисках мужчин.

– Правильно. Они сами к тебе ходили. Твоя подружка, по сговору, приводила их к тебе прямо домой. Успокойся. Нет ничего зазорного в торговле своим телом. Иные чинуши, берущие взятки и торгующие государственным добром, ничем не благороднее падших женщин. Поверь. Проститутка действует честнее. Она торгует лишь собой, а не казной и людьми. И потом проституция является одной из самых древнейших профессий. В древнем Риме или средневековой Японии далеко не каждая женщина годилась на это тонкое ремесло. Ему обучали. В греческой античности на «продажную любовь» смотрели без лишнего ханжества и предрассудков. Я не стану рассказывать тебе подробно о гетерах. Ты наверняка слышала о них. Их называли «подательницы радости» или «подруги». Они играли огромную роль в жизни греков. Античная литература полна трактатами, посвященными проституткам. Жрицы Афродиты! Киллистрат написал «Историю гетер». Аристофан Византийский, Апполодор и Горгий собрали сведения о жизни ста тридцати пяти гетер, которые прославились у афинян, и славные подвиги которых были достойны того, чтобы о них узнало потомство. А храмовая проституция в Индии? Нет, на мой взгляд, древнее общество было разумнее и честнее, чем нынешнее. А сейчас фарисей сидит на фарисее. Как не вспомнить библейское: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры»? Они всякий раз презрительно морщатся, проходя мимо продажной девки. Правда, далеко не уходят. Свернув за угол, они лезут в карман и готовят свои грязные деньги, чтобы заплатить за продажную любовь. А после того, как купят ее, они снова цепляют на себя привычную личину благолепия.

После длинного монолога Мег, Екатерина смотрела на нее спокойнее и с большим интересом. Она тихонечко перебралась с пола на небольшой табурет и расположилась на его краю, плотно сжав голые ноги. В ее облике еще сильнее проступили черты Эммы. Она слушала ведьму, и ее пухлые губы были чуть открыты от любопытства.

– Пьер, налей нашей девочке немного вина. Оно укрепит ее силы.

Пьер подал Екатерине-Эмме пузатый бокал красного вина.

– Пейте, мадемуазель.

Екатерина-Эмма выпила вино большими, жадными глотками. По телу снова растеклось приятное тепло. Заполыхали щеки. Она покосилась на выпуклые чресла Пьера. Самсон тоже сидел напротив и вызывающе поглядывал на нашу несчастную героиню.

– Мы немного отвлеклись на тему, связанную с проституцией, – хриплым голосом продолжала Мег. – Хотя, наши вольные беседы – это не отвличенность, а скорее расширение горизонтов твоих познаний. Ты помнишь, я обещала тебя учить... Многому. И наказывать. О, как меня возбуждают сами слова: наказание, экзекуция, порка, бичевание, пытка... Ты даже себе не представляешь. А потом, признаюсь, я к тебе испытываю особые чувства. Они замешаны на жутком коктейле из ревности, злобы, любви, многих лет ожидания, отчаяния, безверия и, наконец, счастья обретения. Что... что... – Мег нервно затянулась, подбирая нужные слова. – Что я буду к тебе слишком пристрастна, дорогая. Пойми, на этом этаже нет ангельски чистых душ. Моя любовь и страсть к тебе остры, как лезвие дамасского кинжала, и ядовиты, как яд Черной мамбы. Обычному человеку не понять того, как полыхает мое сердце при виде твоих

слез. Слез, полученных от мучений. Когда ты плачешь от боли или наслаждения, в моих старых венах закипает жгучая лава.

Екатерина-Эмма невольно вздрогнула и повела плечами – такими страшными казались обещания Мег.

– Обожаю маркиза Донасьена Альфонса Франсуа де Сада. Признаюсь, мы с ним знакомы и даже дружны. Мы часто вместе обедали под сенью французских каштанов. Вели неспешные беседы. Так вот он говорил, что «сильнейший всегда находит справедливым то, что слабый считает несправедливым», и «не существует ни одного живущего человека, которому не захотелось бы сыграть деспота, если он обладает твердым характером». Он – гений, ты не находишь?

– Не знаю...

– Не знает она! Да кто ты такая, чтобы ставить под сомнение подобные утверждения? Ты должна соглашаться с каждым моим словом.

Екатерина-Эмма испуганно закивала головой и всхлипнула.

– Я подмешала тебе в вино сильнейший афродизиак. Еще пять минут, и ты от желания полезешь на стену. С каким наслаждением я буду заглядывать в твои глаза, которые будут искать выхода из лабиринта немислимого вожделения.

Не прошло и пяти минут, как наша тамбовская мещанка почувствовала еще больший жар внутри своей вагины. Она продолжала сидеть со сжатыми от страха ногами, но какая-то неведомая сила заставляла их раздвигаться, вопреки ее воле и здравому смыслу.

– Не сжимай ног. Ну, же... Раздвинь их, моя горячая девочка, – улынулась Мег.

Екатерина-Эмма покраснела, словно маков цвет, и зажмурила глаза. Ее душа боролась с жутким стыдом и превосходящим по силе желанием.

– Ну! – захохотала Мег. – Раздвинь ноги, блудница. Покажи нам, насколько мокра твоя красота. Ты чувствуешь, как наливаются свинцом все твои губки, а жадный клитор, подобно пробудившемуся после зимней спячки зверю, хочет почесать свою голову? *Glans clitoridis*³ для женского организма – самый важный орган. Я знаю, что ты чудовищно хочешь разрядки. Не все сразу. Для начала ты получишь *uterus orgasm*⁴ И не один... Прости, люблю я иногда оперировать латынью.

Екатерина-Эмма пыталась сильнее сжать ноги, но словно какая-то чудовищная сила разводила их в стороны. Ей стало казаться, что на колени легли невидимые глазу железные руки. Эти руки, вонзив когти, сжимали ее острые колени и раздвигали дрожащие от страха и возбуждения ноги. Мгновение, и она не совладала с этой сокрушительной силой. Она внутренне сжалась и выкрикнула нечто непонятное. Горло сжималось от спазмов. Она напрягалась в попытке, сомкнуть слабые колени. Но ее странная борьба не увенчалась успехом.

Мег с любопытством и легкой насмешкой взираала на поединок с невидимым чудовищем, имя которому – похоть. Екатерине-Эмме на секунду показалось, что она увидела это чудовище. Оно было огромно, лохмато и скалилось страшной пастью. Но сильнее пасти тамбовскую мещанку страшил длинный и липкий язык этого зверя. Язык этот стремился лизнуть сердцевину опухшей до невозможности вульвы. Самое ужасное заключалось в том, что борьба эта велась ею против себя самой. Она более чудища мечтала о том, чтобы этот язык принял ее лизать. Она знала, что гигантская пасть готова не просто прилипнуть скользким жалом, но и проглотить, сожрать её целиком.

– Да! – вдруг выкрикнула Екатерина-Эмма и широко развела ноги.

Она чуть откинулась назад и согнула их в коленях.

³ Glans clitoridis – головка клитора (латынь).

⁴ Uterus orgasm – маточный оргазм (латынь).

– Да, – снова пробормотала она. – Пусть все приапы мира войдут в меня разом! Да! И... лижите, пожалуйста, лижите...

– Ну вот, теперь мы видим, как твоя вагина алкает вторжение. Теперь мы видим, как она течет. Тысяча чертей, я редко видела, столько влаги... Уговорила. Для начала мы посадим тебя на «козла».

– Какого козла? – прошептала Екатерина-Эмма, горячечно облизывая губы.

– Сейчас увидишь какого. Самсон, Пьер, поднимите ее и посадите на первые козлы.

Сквозь туман наша героиня разглядела, как мощный Пьер вынес некое подобие тумбы или усеченного бревна с гладким сидением. В середине этой конструкции торчал довольно таки толстый и длинный колышек, выточенный в форме полового члена. Мужчины подхватили Екатерину под колени и посадили ее... прямо на эту высокую тумбу. Она почувствовала, что, не смотря на сильную готовность, этот мощный колышек едва продвинулся в ее нутро. Казалось, что он чрезвычайно толст. Он туго раздвинул все мышцы. Под весом тела он упирался слишком глубоко. Так глубоко, что Екатерина-Эмма застонала от боли... Она закрыла глаза. Стало трудно дышать. Девушка беспомощно взмахнула руками. Чудилось, что страшный кол все дальше и дальше продвигается внутрь ее мягкого лона. Но к боли присоединилось чувство удовольствия и той степени наполненности, о которой она мечтала.

– Ах, о-оо-оо-о...

– Тихо, тихо, – прошептала Мег. – Дыши, дыши глубоко... Станет легче. Сейчас Пьер раскрутит механизм, и наш деревянный шельмец начнет раскачиваться и прыгать внутри тебя...

В самом начале Екатерина-Эмма не увидела, что в бревно, на которое ее посадили, был вделан хитрый механизм. Пьер крякнул позади и стал крутить невидимую глазу ручку. Бревно скрипнуло металлическим неповоротливым нутром. И вдруг наша несчастная жертва почувствовала, что деревянный колышек ожил, стал раскачиваться и дрожать внутри ее тела.

– Аа-аа-аа, – кричала Екатерина-Эмма. – Я-я-я-я-аа-аа-аа-аа.

– Ты-ты! Как тебе мой шельмец? Кстати, этот прибор изобрел один похотливый немец. Он успешно применял его для пыток ведьм. Он не снимал с «козла» своих жертв по десять часов кряду. Женщина успевала получить несколько сильных оргазмов, прежде чем прощалась с жизнью. Не находишь, такую смерть довольно-таки изящной? Простите мне моветон... Но быть зае**ной до смерти – не об этом ли мечтают многие экзальтированные дурехи? Получите и распишитесь. Пьер, прибавь-ка скорости!

Екатерина-Эмма ощутила, как деревянный кол буквально запрыгал и задрожал в таком бешеном темпе, что от этой вибрации ее нутро содрогнулось в болезненном и сладостном оргазме. Таком оргазме, от которого она чуть не лишилась чувств.

– Как ты сейчас прекрасна. Твои ноги подобны двум нежным лилиям. А эти пальчики... Голова твоя упала на плечи. А соски. Твои соски великолепно стоят. В следующий раз я заземлю на них прищепки. И ты сойдешь с ума, счастье мое... Мне даже не пришлось касаться твоего клитора... Какая ты горячая...

Пьер то снижал, то увеличивал скорость оборотов, и через четверть часа Екатерина-Эмма кончила еще раз. Она уже плохо держалась на злодейских «козлах» и ей казалось, что она сходит с ума от этой бешеной скачки.

– Это не все. Сейчас с тобой поиграют и мои мальчики. По очереди.

Позади раздался скрип, и деревянный стук. Она поняла, что Самсон подставил невысокую деревянную скамейку. И благодаря ей, он оказался позади женщины. Сильные руки легли на талию и наклонили ее вперед. Пьер прибавил скорость адской машины. Екатерина – Эмма снова задрожала и вскрикнула. Только этот стон оказался громче предыдущих. Она почувствовала, как Самсон вошел в свободное колечко узкой плоти.

– Не-ее-ее – еет!

– Да! – зловеще шептала Мег. – Да! И только когда Самсон закончит, его сменит Пьер. А вот после Пьера, я сниму тебя с «козла». Ты запомнишь его. Навсегда. И даже полюбишь. Смотри, как славно ты кончаешь.

В какой-то момент несчастной показалось, что воздух вокруг нее сгустился. Из углов «пыточной» повалил кобальтовый дым. Каменные стены задрожали и принялись двигаться в такт ударам ее сердца. Сама каменная кладка стала менять свои очертания. Потемневшие от времени кирпичи, подобно костяшкам лото, двигались в разные стороны. Они – то перестраивались в диковинные узоры, то останавливались и со скрежетом выпирали, разбрасывая терракотовое крошево. Ей казалось, что если они перестанут вибрировать и танцевать, то и ее собственное сердце остановится. Позади себя она чувствовала горячее мужское дыхание, прерываемое стонами страсти. Боли давно не было. Все ее тело заполняла какая-то невидимая огненная спираль. Она шла от кончика деревянного фаллоса и заканчивалась макушкой головы. На самом верху она расширялась, раздвигая все пространство вокруг и возводя конические вихри радужного цвета. Иногда радуги темнели, а мужское дыхание позади делалось ледяным. В этот момент ей чудилось, что в ее задние врата входит не мужской член, а все те же змеи, что были с ней в лесу. Они шипели возле самого уха. Она пыталась отмахнуться и ускользнуть. Узкая спина наклонялась вперед, она теряла равновесие и падала в какую-то глубоководную бездну. Но вздрагивала от падения, словно во сне. И снова обнаруживала себя сидящей на зловещем скачущем козле. А сильные мужские руки притягивали ее бедра ближе, с силой насаживая на себя.

В какой-то миг ее нежный дух решил покинуть новое тело. Силой воли Екатерина остановила движение огненной спирали, сосредоточилась и легким усилием увела свой зад в сторону от дерзких ударов мужчины. Вся нижняя часть тела вмиг стала чужой и бесчувственной. Она воровато оглянулась по сторонам и тоненькой струйкой стала вытекать из собственной головы. Зловещий оскал Мег предвосхитил ее дерзкую попытку. Ведьма ударила Екатерину по макушке, словно бы возвращая беглянку на место. И сразу же вернулись все ощущения. Еще в большой полноте. А огненная спираль, распоров над головой пространство, снова вошла в женщину, пронзив ее неоновой молнией до самого копчика.

Прошло более получаса, прежде чем, еле живую Екатерину-Эмму сняли со злополучного пыточного орудия. От черт Эмма не осталось и следа. На каменном полу, на грубой льняной простыне, лежала истерзанная Екатерина Дмитриевна Худова. Взмокшие от пота черные волосы прилипли к обнаженным плечам и опавшим шарикам маленьких грудей. Голубоватые тонкие веки плотно прикрывали потухший взгляд. Нос заострился, словно у покойницы. Худые ноги были разведены в стороны и казались безжизненными. Екатерина походила на диковинный экспонат анатомического театра, а не на живую женщину. И только бьющаяся на шее жилка выдавала в ней присутствие жизни.

– Омойте ее, напоите отваром и отнесите в мою спальню, – тихо произнесла Мег. – Кажется, мы чуточку переборщили...

Через час чистая и посвежевшая Екатерина очнулась на мягкой перине в комнате Мег. Стена напротив вновь сделалась деревянной. О страшном пыточном застенке ничто не напоминало. Екатерина приподняла голову. Удивительно, в теле не было боли. Она осмотрела руки и ноги. Кожа сияла белизной и свежестью. Приятная упругость и сила разливалась по всем членам. Спать совсем не хотелось. Единственное, что хотелось Екатерине Дмитриевне – это поесть.

«Господи, как я проголодалась! Кажется, я съела бы целого слона! – подумала она с легкой усмешкой. – Еще недавно мне казалось, что я умру, не выдержав той пытки. Но если бы я так не напрягалась, то получила бы лишь удовольствие. Это глупый страх заставлял меня мучиться в ожидании чего – то, еще более страшного. Мне же не было больно. Наоборот. Эти

оргазмы! Господи, я за всю жизнь не испытывала ничего подобного. Да и потом Мег... Она не может причинить мне сильного урона...»

– Ты в этом уверена? – раздался голос справа от нее.

Екатерина посмотрела на говорящую и улыбнулась.

– Что ты улыбаешься? Я мало тебя наказала? – хмыкнула ведьма.

Екатерина мотнула головой.

– Мало?

– Нет. Достаточно... Я больше так не буду.

– Что не будешь?

– Кокетничать с Махневым. Я вообще ни с кем здесь не стану этого делать.

– Да? Как это мило, и главное – вселяет надежду. Но напоследок я решила-таки исполнить твоё желание и устроить свидание с твоим избалованным дворянчиком.

– Зачем?! – Екатерина округлила глаза. – Я вовсе не желаю его видеть!

– Не желаешь? Но ещё несколько суток назад ты желала. Ты крутила задом в Летнем парке и строила ему глазки. О, я читала все ваши мысли. Вы оба играли в славную игру, игру желаний, мыслей, взглядов. То он мечтал утащить тебя в кусты, то ты ему отдаться!

– Да, нет же!

– Не лги мне!

Мег встала с кровати и обошла её со стороны Екатерины.

– Госпожа, я же уже раскаялась...

– Я простила тебя, глупышка. Однако урок стоит все же закрепить. Сейчас я перенесу тебя прямо к дому Махнева. Он спит, но ты разбудишь его.

– Но это же неприлично.

– Отчего же? Он приглашал тебя к себе.

– Но прийти самой?

– Тю, какие условности! Неужто это место так подействовала на проститутку Худову, что она перестала сама ходить на дом к клиентам?

– Я не проститутка! – снова обиделась Екатерина.

Её взгляд выражал негодование. В глазах закипали слезы.

– Если человек оступился в одной из жизни, то его будут корить этим все время?

– Какое время? Здесь нет времени, – с усмешкой ответила Мег. – Оставим этот спор на потом. Ты уже пыталась мне что-то доказать. Не стоит... А сейчас ты оденешься, и я препровожу тебя к господину Махневу.

– Ну и ладно. Пусть будет так, как вы хотите. А заодно я вам докажу то, что господин Махнев порядочный мужчина, и он не собирался набрасываться на меня, как голодный на жареную дичь... Господи, как я хочу есть!

– После этого, последнего задания, я тебя покормлю. Если я сделаю это сейчас, то ты осоловеешь и заснешь.

– Я буду надеяться, что меня накормит господин Махнев.

– Ты мне дерзишь? – Мег приподняла бровь. – Хочу рассеять радужные надежды – твой Володя здесь не столь хлебосольный хозяин, каким являлся в своем фамильном поместье. Хотя, полбой, возможно, он тебя все же накормит. Если пожелает.

– Я докажу вам, что он совсем не такой.

– Какой? Он оприходует тебя почти сразу, как только ты переступишь его порог.

– Посмотрим...

Две служанки Мег принесли Екатерине Дмитриевне новый роскошный туалет. Кремовое бельё состояло из шелкового тугого корсета на китовом усе, изящной коротенькой сорочки, батистовых панталон с бисквитными рюшами в три ряда и тоненьких фильдекосовых чулочек, обтянувших стройные ноги тамбовской красотки.

– Ах, как ты хороша... – нежно прошептала Мег, когда служанки помогли надеть на Екатерину белье. – Только ножки чуть худоваты. Боюсь, наш Казанова предпочитает более сочных дам.

Екатерина Дмитриевна расстроено поглядела в овальное зеркало.

– Как же им быть не худыми, если меня здесь постоянно морят голодом? – обиженно протянула она. – Ничего, в столице сейчас очень модно быть бледной худышкой.

– Причем тут мода? У каждого мужчины есть свои предпочтения.

Екатерине принесли темно фиолетовое платье, расшитое испанским белым кружевом. Настолько роскошное, что она невольно ахнула, когда увидела себя в зеркале. На нее смотрела высокая и стройная красавица с черными глазами, прикрытыми сенью длинных ресниц. Черты узкого лица казались настолько свежими и юными, что Екатерина подумала о том, не внесла ли Мег снова в нее облик юной Эммы?

– Не удивляйся, Эмма часто будет проступать в тебе, ибо мы потревожили пласт ее жизни. А вообще привыкай – здесь, в царстве Виктора, все женщины выглядят красотками. Молодыми красотками.

– Даже если они почилы в девяносто лет?

– Да, даже если так... Старушка уже через неделю обнаружит себя в зеркале 20-ти летней юницей. Нынешний воздух действует лучше молодильных яблок. Нет, конечно, бывает и то, что патрон крутит часами, но все эти игры, как правило, временны. Если и состарилась, то к следующей луне снова помолодела. Виктор наш – большой гуманист и любит все красивое. Особенно красивых женщин. Ну, хватит болтать. Как тебе мой выбор? По-моему, фиолетовый – твой цвет. И это кружево... Оно роскошно. Ты так узка в талии... Мой бог... Да, Махнев точно обалдеет!

– Ну, зачем я к нему иду? – робко запротестовала Екатерина Дмитриевна и уронила тонкие руки. – Позвольте мне остаться с вами? Я... я полюбила вас. Мег, кроме вас мне никого не надо.

Узкая ладонь потянулась к руке ведьмы.

– После поговорим о чувствах. Сейчас я хочу довести дело до конца. Ты сама мечтала об уединении с нашим главным красавчиком, и ты его получишь!

– Но...

– Никаких «но»! Сейчас придет мастер куафюры и слегка завьет твои локоны. Должна же ты предстать пред Махневым в полном соответствии. Сделаем ему роскошный подарок.

– Как я поняла, вы станете за всем наблюдать?

– Ты правильно поняла.

– Мег, это – жестоко. Я совсем не знаю, как себя вести в подобном случае.

– А веди себя так, как хотела вести несколько дней тому назад, когда ты почти согласилась пойти к нему домой. А можешь вести себя так, как вела в Летнем саду. Не с ним ли ты мечтала об уединении за боскетной стеной?

– Я была глупой... Это по привычке.

Мег в ответ только рассмеялась.

Через полчаса темная карета, на козлах которой покачивался широкоплечий Пьер, привезла Екатерину Дмитриевну к воротам дома Владимира Махнева. Возница спешил. Мег сидела в темном чреве бархатного салона и наблюдала за смущением своей ненаглядной пассивности. Последняя на протяжении всего пути несколько раз умоляла ведьму простить ее, глупую, и не везти на randevu к Владимиру Ивановичу.

– Мег, пожалуйста... – робко канючила Екатерина.

Несколько раз она пыталась обсыпать поцелуями холодные руки ведьмы. Но та отстранялась с легкой усмешкой.

Когда Екатерина Дмитриевна разодетая в изысканное платье, шляпку в тон, с уложенными в локоны черными волосами, стояла возле ворот дома Махнева, она услышала за оградой странный рык и шипение.

– Мег, вернемся. Там, за оградой, сидят чудовища. Сквозь узкий просвет я увидела одного из них. Они разорвут меня.

– Горгульи? – усмехнулась Мег.

И не говоря лишних слов, она как-то странно свистнула. От этого свиста у Екатерины заложило уши. А когда заложенность прошла, то она услышала, как невидимые монстры пришли в состояние паники и порснули в глубину обширного двора. Входная дверь со скрипом отворилась, и в свете луны на крыльце показалась мужская фигура.

Махнев был одет в легкие штаны, заправленные в высокие кожаные сапоги. Тонкая батистовая сорочка с расстегнутым кружевным воротом открывала пленительной красоты торс. Владимир Иванович выглядел сонным – включенная шевелюра русых волос была не причесана, легкая небритость покрывала красивые скулы, серые глаза припухли ото сна. Он вышел на крыльцо и сладко зевнул. Растерянный взгляд устался на ворота, в которые робко стучала Екатерина Дмитриевна. Владимир сбежал по ступеням и распахнул калитку.

Екатерина посмотрела вокруг себя – Мег исчезла. Екатерина одна стояла пред калиткой дома Владимира и бессмысленно смотрела на нашего героя.

– Катенька, вы? – обрадовался Владимир. – Вот не ждал, не гадал. Какими судьбами? Вы и у меня?

Было видно, что Владимир Иванович жутко рад. Раз от разу тамбовская мещанка Худова все больше хорошела. Сейчас она стояла возле дома Владимира в великолепном платье. Такие платья можно было встретить лишь на балу, в Екатерининском дворце, или на выставке, в Париже. Тонкий стан был затянут в изысканную ткань лилового оттенка. Белоснежное кружево слегка люминесцировало при лунном свете. Узкий овал хорошенького лица казался таинственно прекрасным. Екатерина мило смущалась и теребила ажурными пальчиками, одетыми в тонкие перчатки, ручку кожаного ридикюля.

«Господи, в этом мире каждая фемина настолько божественна, что я всякий раз теряю дар речи», – подумал наш герой.

– Катенька, как я рад! Что мы тут стоим? Пойдемте в дом! Вы тогда так неожиданно исчезли, испарились в каком-то вихре. Я все время думал: что с вами случилось?

– Вы, правда, думали обо мне? – севшим голосом поинтересовалась Екатерина.

– Вы еще спрашиваете! То, странное поле... Наша прогулка, и ваше таинственное исчезновение. Я даже спать нормально не мог.

Он взял ее под руку и провел в дом. Пока Екатерина Дмитриевна оглядывала убранство уютного жилища Махнева, сам собой разгорелся камин. Дрова по-домашнему потрескивали.

– Вы, наверное, спали, а я вот так, как снег на голову... Без приглашения.

– Что вы, Катенька! Я безумно рад. И готов ради вас и вовсе не спать. Проходите и чувствуйте себя как дома. Садитесь. Он пригласил Екатерину Дмитриевну за длинный обеденный стол, располагавшийся подле камина.

Махнев страшно удивился тому, что как только он четко подумал о бутылке хорошего вина, как она тут же материализовалась. Всполохи огня отражались на ее темном, чуть запотевшем боку. Серая этикетка с сургучом говорила о том, что вино довольно старое. Радужным светом играли грани двух высоких хрустальных бокалов.

«Неплохое начало», – едва подумал он, как рядом с бутылкой появилось огромная ваза со спелыми фруктами, горячие булочки, масленка с желтым кругом свежего масла, икорница, полная черной, с бурым отливом, серебристой икрой. Тут же, словно из воздуха, появились пряженцы с мясом, тарелка с сыром и два судка с галантиром из дичи.

– Екатерина Дмитриевна, – обрадовался хозяин, – чем богаты, тем и рады. Прошу вас к столу-с!

– Благодарю, Владимир Иванович! Но право, я не голодна. Я буквально недавно обедала, – невнятно пролепетала Худова.

– Даже если вы не голодны, то хотя бы за компанию. Я прошу вас отведать моих угощений. Хоть немного...

Екатерину не пришлось долго уговаривать. В плену этикета она безбожно лгала о том, что сыта. На самом деле, ей казалось, что она не ела целую вечность. Она с удовольствием присела на уютный деревянный стул и придвинулась ближе к столу.

«Патрон, я могу вас мысленно поблагодарить! – подумал про себя Владимир. – Вы сегодня щедры, как никогда. Надо мне почаще дамочек приглашать. Глядишь, и самому голодать не придется».

Владимир налил бокал душистого вина и поднес его к носу.

– Какой, однако, прекрасный букет! Вы не находите?

Он наблюдал за тем, как Екатерина Дмитриевна, опустив долу длинные черные ресницы и сделав сосредоточенную мину, уже отпивала вино большими глотками. Токая шея с выпущенным на волю темным завитком нежно шевелилась.

«Как жадно она пьет! Я помню, как она ела пирожные... Должно быть она ненасытна всюду. Ненасытна и жадна до плотских утех».

Небольшой жизненный опыт подсказывал ему, что женщины с хорошим аппетитом, как правило, были неистовы и в постели. Если женщина умела вкусно есть, она была и необыкновенно страстной. Он искоса поглядывал на Екатерину Дмитриевну и с наслаждением наблюдал за тем, как пахучий кусочек пышной булки, щедро смазанный маслом и икрой, проследовал в небольшой, но жадный рот. Он видел, как Екатерина Дмитриевна жмурится от удовольствия. А ее маленький и розовый язычок слизывает с губ несколько икорных зерен.

«Мой бог, она чертовски привлекательна! Какие глаза, тонкий нос... Кружево лифа скрывает маленькие трепетные груди. Я посажу ее прямо на себя. На свой вздыбленный х*й. До конца. Я хочу, чтобы она вскрикнула и закатила в истоме карие глаза. Она будет брыкаться, а я стану удерживать ее...»

Екатерина Дмитриевна действительно ела с большим аппетитом, презрев все словесные реверансы, приличествующие длительной трапезе и светской беседе, сопровождающей оную трапезу. Она была настолько голодна, что ее собственный организм заставил ее забыть на время о приличиях. С таким же аппетитом она проглотила румяный пряженец, промакнув губы платком, вновь глотнула вина и приступила к галантиру.

– Екатерина Дмитриевна, я безумно рад, что вы, вот так вот запросто, пришли-таки ко мне в гости. Я так давно мечтал об этом... – он не готов был признаться самому себе, что внезапный приход Худовой вырвал его из глубокого сна.

Гостя на время перестала есть. Она отодвинула от себя судок с начатым галантиром.

– Понимаете, Владимир Иванович, я собственно, вовсе не собиралась к вам идти ... Вот так. Ночью.

– Помилуйте, дорогая Катрин. Да, если мы будем придерживаться законов местных суток, то непременно одичаем. Вы знаете, ночи тут длятся порой неделями, а то и дольше. Так что же: все это время мы должны лишь спать? При такой-то чудной луне как раз самое время гулять, общаться, встречаться, любить друг друга.

При упоминании о любви, Худова вздрогнула.

– Вы знаете, Владимир Иванович, я уже вполне сыта. У вас очень вкусная кухня, и уютный дом. Я, право, зашла к вам лишь потому, что вы тогда настойчиво меня приглашали. Но я побуду у вас еще немного и, пожалуй, пойду домой. На самом деле, уже поздно!

– Да, полно вам. Расскажите, где вы были все это время? Куда исчезли так внезапно? Мне вообще кажется, что с вами здесь произошло нечто таинственное, отличное от всех нас. Не стесняйтесь меня, доверьтесь. Я прошу вас, – Владимир взял женщину за руку.

Она невольно напряглась и опустила голову. В душе Екатерины Дмитриевны шла невидимая борьба: с одной стороны, она ужасно хотела довериться Владимиру. Он был настолько хорош собой, и глаза его смотрели ласково и доверительно. Екатерине казалось, что если он обнимет ее, она выложит ему все начистоту. Ей хотелось крепкого мужского плеча. Плеча такого же земного человека, какой была она. С другой стороны, она помнила наказ Мегиллы о том, что в этом царстве нельзя доверять ни одной душе. Помнила она и том, что Мег обещала быть рядом, рядом всегда. И сейчас она наверняка слышит не только их с Махневым диалог, но и сами мысли взбалмошной Катки.

– Катрин, – Махнев вдруг быстро поднялся и обнял женщину за худенькие плечи. – Иди ко мне. Иди ко мне, милая. Сейчас я отнесу тебя в спальню. Не бойся меня. Я прошу! Ничего не бойся.

Он наклонился к ней и принялся нежно целовать ее губы.

«Он точно демон, – едва подумала Екатерина. – Разве хоть одна женщина может устоять против его обаяния? Нет такой. Мег прекрасно знала об этом. О, эти теплые и сильные руки. А губы? Его поцелуи сводят с ума. Будь что будет! Я безумно устала от всех этих игр...»

Владимир подхватил на руки Екатерину и, словно пушинку, отнес ее по лестнице в собственную спальню. Он посадил ее на чуть примятую от сна и разобранную кровать.

– Подождите, Владимир. Нам нельзя... – слабо сопротивлялась Худова.

– Кто тебе это сказал? Я давно хочу тебя, с того самого момента, как увидел тебя в классе у Виктора. Ты настолько прелестна, что уже тогда я мысленно готов был целовать твои руки и ноги. А эти прекрасные родинки, волосы. Господи, как ты хороша!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.